

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© Е. Д. Кукушкина

М. В. ЛОМОНОСОВ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII ВЕКА*

Выход из печати осенью 2011 года четвертого выпуска сборника «Литературная культура России XVIII века», подготовленного на кафедре истории русской литературы и в семинаре «Русский XVIII век» филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, совпал с 300-летием со дня рождения М. В. Ломоносова. Первый раздел сборника как раз и составляют статьи, посвященные его литературному творчеству.

Обращает на себя внимание чрезвычайно интересная, богатая тонкими наблюдениями статья П. Е. Бухаркина «Поэзия М. В. Ломоносова: стилистика и проблематика торжественной оды». Торжественная ода — основной стихотворный жанр Ломоносова, во многом определивший пути развития отечественной поэзии. Давая современным читателям ключ к понимаю панегирических од, Бухаркин показывает, как возник, из каких элементов складывался особый поэтический стиль Ломоносова, уже его современниками воспринимавшийся как великолепный, возвышенный, «парящий». Он последовательно, на примерах рассматривает звуковую, лексическую, семантическую организацию ломоносовского стиха. Ломоносов тщательно продумывал структуру стиховой речи, используя ассонансы, аллитерацию, сложные звуковые повторы. Ода изобилует метафорами. Поэтическое слово претерпевает семантическую трансформацию, которая уводит его от привычных приземленных смыслов. Именно совокупность всех этих средств и придает одам «воспаренность».

В статье показано, что эпитет или метафора у Ломоносова могут заключать в себе основную мысль поэтического произведения. Так, эпитет «возлюбленная», относящийся к слову «тишина», употребленный в первой строфе «Оды на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» (1747), в языке того времени означал «нечто более интенсивное, активное, направленное на

предмет, нежели его синонимы *любимая, любезная*. Для языка XVIII века глагол „возлюбить” означал не просто полюбить, а полюбить горячо, сильно и, в другом плане, предпочесть, избрать для себя. Одновременно *возлюбленная* предполагает и некоторую возвышенность, устремленность вверх (...) Тишина оказывается не просто сильно любимой, она выбрана, предпочтена, в частности, потому, что способна вознести, т. е. духовно укрепить» (с. 36). Это значение эпитета актуализируется и поддерживается другими лексическими средствами, создающими представление о мире и покое, исходящем от императрицы Елизаветы.

Как показано в статье, неотъемлемой составляющей ломоносовских од была имперская идея. Империя в представлении Ломоносова — государство в идеальном его проявлении, то есть земная власть, символизирующая власть небесную, божественную. Именно в одах представление об империи, ее идеальном характере проявилось со всей полнотой и отчетливостью. И здесь топос тишины, по мнению Бухаркина, несет особую смысловую нагрузку. «Тишина» для Ломоносова — это соразмерность, внутренняя гармония, порядок, согласие, основывающиеся на взаимопонимании и общении, свободное единение людей.

Поэтическому языку Ломоносова посвящена также статья Ф. Н. Двинятина «Омосиллабические серии в поэзии М. В. Ломоносова: об одном специальном типе звукомысловых связей». Он обнаруживает в стихах Ломоносова особый параллелизм, проявляющийся на звуковом, синтаксическом и морфологическом уровне, как например в строках:

От всех полей и рек широких,
От всех морей и гор высоких...

Подобные повторы, которые названы автором статьи омосиллабическими, т. е. подбосложными, способствуют созданию «общего впечатления стройности, смысловой уплотненности, звуковой напряженности стиха» Ломоносова (с. 32). В XIX веке омосиллабические повторы появлялись в творчестве лишь некоторых поэтов, но затем этот прием возродился в поэзии авангарда и до-

* Литературная культура России XVIII века / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. Вып. 4. 280 с.

стиг расцвета в поэзии М. Цветаевой середины 1920-х годов.

Исследованию поэтического творчества Ломоносова, но в несколько ином аспекте, посвящена также статья Е. М. Матвеева «Одическая поэзия М. В. Ломоносова: методологические проблемы изучения». Он анализирует десять наиболее серьезных научных работ, посвященных Ломоносову, начиная от «Разбора...» А. Мерзлякова¹ и заканчивая недавней монографией Н. Ю. Алексеевой,² чтобы выяснить, какие задачи ставили перед собой исследователи и в каком ключе изучали они поэзию Ломоносова. Матвеев выделяет пять основных групп: историко-культурный контекст исследований, стиховые показатели оды, тема (условно говоря, сюжет и содержание), стилистические особенности языка, вопросы функционирования оды в литературной культуре XVIII века. Несмотря на некоторую условность классификации, результаты наблюдений, представленные в статье в виде таблиц, позволяют увидеть, как по-разному подходили исследователи к изучению од Ломоносова. Матвеев делает вывод, что именно историко-культурный контекст работ позволил филологам наиболее широко и продуктивно исследовать Ломоносовскую оду, включая ее тематический анализ и анализ стиха. Результаты этого исследования доказывают несостоятельность появившегося в последние десятилетия представления о кризисе «традиционного» литературоведения,³ опирающегося на историко-культурный подход.

Интересны и те исследования, вошедшие в сборник, которые посвящены частным вопросам творчества Ломоносова. С. С. Волков в статье «Куда приводят нас „врата учености“?» развенчивает миф, что Ломоносов называл «вратами своей учености» «Арифметику» Л. Ф. Магницкого и «Грамматику» Мелетия Смотрицкого. Этот фразеологизм возник, как показал автор статьи, в середине 1780-х годов в биографии Ломоносова, написанной по поручению Е. Р. Дашковой членом Российской академии, драматургом и переводчиком М. И. Верекиным. Исследователи XIX—XX веков отмечали «беллетризованный» характер этой биографии. Образное выражение «врата учености» со временем «приобрело особую выразительную силу, превратившись в символ глубокого уважения к национальной книжной культуре. Более того, оно оказалось умело адаптированным к личности Ломоносова» (с. 68).

¹ Мерзляков А. Разбор осьмой оды Ломоносова // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1817. Ч. VII. С. 28—79 (1-й паг.).

² Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005.

³ См.: Новое литературное обозрение. 2003. № 59.

Статья С. А. Саловой «Французские „собеседники“ М. В. Ломоносова в его „Разговоре с Анакреоном“» является попыткой, как представляется, весьма плодотворной, найти импульсы, подтолкнувшие Ломоносова выбрать для перевода XI оду Анакреонта и обнаружить скрытые источники противопоставления Катона и Анакреонта в его стихотворном цикле «Разговор с Анакреоном». Исследовательница отмечает «отчетливый параллелизм» образов Анакреонта у Ломоносова и Фонтенеля, который мог возникнуть и типологически, и как результат заимствования, впрочем, не доказанного. Создавая образ Анакреонта, Ломоносов использовал аргументацию, развернутую Фонтенелем в диалоге «Сенека, Скаррон», и актуализировал противопоставление эпикурейского стоицизму. В образе Катона, который выступает у Ломоносова антиподом Анакреону, автор статьи улавливает следы знакомства Ломоносова с сочинениями Ф. Ларошфуко, а именно с его «Максимами».

Предметом исследования А. Е. Карначева в статье «„Торжество любви“ (черновой набросок М. В. Ломоносова)» стала одна из 63 сохранившихся книг с его пометами, а точнее, запись, сделанная на свободной части заднего форзаца книги Франсуа Антуана Помея «Новый Кандидат риторики...», изданной в Лионе в 1668 году. При прочтении этой записи исследователь столкнулся со многими проблемами: текст не везде хорошо сохранился, буквы были написаны с разной степенью нажима, следовало учитывать особенности лексикки и ударения в языке середины XVIII века. Карначев подробно рассказывает читателям обо всех этапах своей работы, что придает его статье значение ценного методического пособия по палеографии. Исследователь приходит к выводу, что изученная им запись является черновым наброском театрального характера. Она включает название: «Торжествующий Купидон», список действующих лиц: «Аполлон, воин, пловец, старик, дикой, придворной, Плутон, учоной, кит, орел, тигр, Венера сама», краткое изложение фабулы: «Препятства и беды преодолевают бесчисленно» и ключевую фразу в стихотворной форме, формулирующую смысл всего предполагаемого действия: «Моря, леса и горы строгий / Валются все любви под ноги!». «Театральность» этого, по-видимому не осуществленного, проекта Ломоносова косвенно подтверждается почти полным отсутствием женских ролей, что было характерно для раннего русского театра. Запись на форзаце книги была сделана, вероятно, в пути, на ходу, в 1740-е годы, когда Ломоносов знакомился с трудами Помея.

Статьи, помещенные во втором разделе сборника, посвящены самым разным аспектам литературной культуры XVIII века, но значение Ломоносова в формировании культурного пространства России было столь велико, что, так или иначе, почти все

они отчасти касаются и деятельности Ломоносова.

В большой, чрезвычайно информативной статье Н. В. Каревой «Становление традиции грамматического описания русского языка (1730—1750-е гг.)» рассказано о тех лингвистических опытах, которые были осуществлены в Академии наук в первые десятилетия ее существования. На заседаниях Российского собрания, созданного в 1735 году, обсуждались переводы книг, вырабатывались правила для типографии Академии наук, планировалось составление русской грамматики и риторики. Позже все эти функции перешли к переводческому департаменту при Академии наук и Историческому собранию. Во второй половине 1730-х годов появились первые учебные пособия по русскому языку, предназначенные для иностранцев. Они были написаны на латинском и немецком языках. Первой русской грамматикой, которую можно было прочесть по-русски, был перевод 1738 года грамматики В. Е. Адогурова, написанной им на шведском языке. Несколько грамматик русского языка были созданы за пределами России, но напечатаны они не были и сохранились лишь в рукописях. Филологи той эпохи перенесли в русский язык принятые в европейской языковой практике термины и определения грамматических категорий. Лингвистические опыты первой половины XVIII века в той или иной степени способствовали появлению в 1755 году «Российской грамматики» Ломоносова.

Публикация проповеди Дмитрия Сеченова «Слово в день явления иконы Пресвятыя Богородицы во граде Казани», подготовленная Е. И. Кисловой, вводит читателей в круг православной культуры середины XVIII века. Дмитрий Сеченов учился в Славяно-греко-латинской академии, куда поступил на год раньше Ломоносова. Со временем он стал одним из самых известных проповедников и видных церковных деятелей. На протяжении многих лет он был близок к императорскому двору. Его карьера началась при Анне Иоанновне, продолжилась при Анне Леопольдовне и Елизавете Петровне. Он приветствовал вступление на престол Петра III, короновал его супругу Екатерину II. Проповеди Дмитрия Сеченова многие его современники считали образцами красноречия. Несомненным достоинством публикации являются подробные комментарии к проповеди, включающие разъяснения прежних публикаторов и существенно дополненные Кисловой. Они позволяют вести текст проповеди в исторический, культурный, лингвистический контекст эпохи. Однако воспроизведение «Слова...» по Синодальному изданию 1742 года в полном соответствии с его графикой и орфографией, что отвечает нормам московской публикаторской школы, неоправданно загромождает прочтение и восприятие этого литературного памятника. Не

случайно уже в XVIII веке, как указывает сама исследовательница, «Слово...» неоднократно печаталось в гражданской орфографии.

Читателей сборника заинтересует большая статья Н. А. Гуськова «Дерево и птицы среди говорящих стен (к истории литературного быта екатерининской эпохи)», посвященная Фридриху (Федору Евстафьевичу) Ангальту (1732—1794). Граф Ангальт, в прошлом генерал-майор прусской армии, в 1783 году был приглашен Екатериной II на русскую службу. В течение восьми лет он возглавлял Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Будучи незаурядной личностью и обладая ярким педагогическим талантом, Ф. Ангальт был для своих воспитанников одновременно начальником, отцом, наставником и другом. Ангальт создал особую систему воспитания, которой было подчинено все пространство Корпуса. Манеж, деревья в саду были снабжены досками с нравоучительными надписями. На «говорящей» стене сада, а также в специально устроенных «Залах отдохновения» были размещены таблички с нравственными правилами, высказываниями философов, пословицами, пожеланиями кадетам. Кадетский корпус имел прекрасную библиотеку, хорошо оборудованные классы естественной истории и физики. Изолированность учащихся от внешнего мира в течение 15-летнего обучения компенсировалась универсальным пространством Корпуса, изобилующим полезной информацией из разных отраслей знаний. Этот «педагогический рай» неоднократно был описан в мемуарах воспитанников. Автор статьи вполне обоснованно отмечает, что «жизнетворческий и педагогический проект» графа Ангальта «не только отражал и отчасти воплощал замыслы многих мыслителей и политиков эпохи Просвещения, но и оказался в русле житнетворческих экспериментов екатерининского царствования и русского литературного процесса» (с. 171). Давая читателю возможность сделать собственные наблюдения и выводы, Гуськов публикует в конце статьи фрагменты текстов «Говорящей стены» и «Залы отдохновения» с указанием их источников и перевод французской басни «Дерево и птицы», которую кадеты преподнесли Ангальту в подарок, вероятно, в день его рождения.

В статье С. В. Власова «О французских версиях пьесы Екатерины II „Обольщенный“» из собрания рукописей Эрмитажной библиотеки» подробно анализируются две анонимные французские версии этой комедии. Три комедии, написанные русской императрицей, в которых она высмеивала масонство и «мистические ереси» («Обольщенный», «Обманщик», «Шаман сибирский»), были опубликованы в Санкт-Петербурге в 1785—1786 годах на русском языке, а затем в немецком переводе. На французский язык была переведена комедия «Обманщик». Рукописи, обнаруженные в Эрмитажной библиотеке, позволяют сделать вывод, что коме-

дия «Оболенный» была также переведена на французский язык, но в печать, по-видимому, не попала. По мнению автора статьи, проделавшего сравнительный анализ текстов, одна из рукописей — дословный перевод комедии на французский язык, хотя лексически не очень удачный, другая же рукопись — изящное переложение этой пьесы на французские нравы.

Статья «„Заметки о русском языке и его алфавите“ Е. Н. и Ф. В. Каржавиных (1789—1791)», написанная С. В. Власовым и Л. В. Московкиным, знакомит читателей с необычным учебным пособием, в современном понимании — самоучителем, по русской фонетике, графике и орфографии. Оно было написано в 1755 году Е. Н. Каржавиным, учившимся в то время в Париже философии и юриспруденции, по просьбе французских ученых-картографов, с целью помочь им правильно читать и транскрибировать русские географические названия и имена в справочной и исторической литературе. В парижских типографиях не нашлось тогда русских шрифтов, и подготовленная к печати рукопись была опубликована в Санкт-Петербурге лишь в 1789—1791 годах, по смерти Е. Н. Каржавина, его племянником Ф. В. Каржавиным, который дополнил и переработал «Заметки». Это издание впервые исследовал М. П. Алексеев,⁴ затем С. Р. Долгова.⁵ В статье книга Каржавиных анализируется с историко-лингвистической и методической точек зрения. Описывается и подробно исследуется структура издания, состоявшего из, условно говоря, теоретической и практической части. Исследователи отмечают, что принцип самообучения, намеченный Каржавиными в «Заметках о русском языке и его алфавите», в дальнейшем был востребован создателями текстально-переводного метода.

В статье А. Ю. Тираспольской «К проблеме незавершенности повести Н. М. Карамзина „Лиодор“: вопросы повествования» сделана попытка объяснить, почему Карамзин, опубликовав в 1792 году в «Московском журнале» (Ч. 5. Кн. 3) первую часть повести и пообещав ее продолжение, больше к ней не вернулся. Впрочем, исследовательница сразу оговаривает, что предполагает «ограничиться изучением в основном тех особенностей повести, которые имеют непосредственное отношение к принципам организации повествования» (с. 238). Поскольку поле научного поиска ограничено столь жесткими рамками, следует ожидать, что именно в них автор статьи и предполагает найти объяснение незавершенности «Лиодора».

⁴ Алексеев М. П. Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина (Из истории русской филологии в XVIII веке) // Учен. зап. ЛГУ: Серия филологических наук. Л., 1961. Вып. 59. С. 8—36.

⁵ Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984. С. 82—85.

Для 26-летнего Карамзина эта повесть была второй попыткой создания сюжетного повествования (после «Евгения и Юлии»), и он еще только искал свой особый стиль. Исследовательница справедливо отмечает, что Карамзин строит повествование «отчасти — руководствуясь новыми принципами, отчасти — совершенствуя и модернизируя некоторые ранее использованные им приемы» (с. 246). Действительно, в «Евгении и Юлии» повествователь обращается к читателю, но это обращение риторично, оно не рассчитано на то, чтобы вызвать его ответную эмоциональную реакцию. В «Лиодоре» подчеркнута ориентация повествователя на адресата, именуемого «Аглая». Повесть создает у читателя впечатление, будто автор и пишет по побуждению Аглаи, и обращается только к ней, чтобы предаться воспоминаниям о близких им людях. Проделав очень подробный анализ текста «Лиодора» в сравнении с другими повестями, написанными Карамзиным, автор статьи приходит к выводу, что эта повесть обнаруживает некоторую авторскую «недоработку», «погрешность», так как «апелляция к данному единичному адресату строится таким образом, что все прочие, „непосвященные“ должны, как представляется, чувствовать себя в этот момент повествования попросту лишними, ибо у „массового“ читателя может возникнуть вполне оправданное ощущение, что он, кроме всего остального, еще и вторгается в некие не терпящие постороннего взгляда „интимно-личные“ общие воспоминания нарратора и его „любезной Аглаи“» (с. 258). По-видимому, читатель статьи должен сделать вывод, что Карамзин и сам ощутил эту «погрешность» и потому не стал завершать «Лиодора». В следующей повести «Бедная Лиза» «погрешность» была устранена, сюжет становится более прозрачным, понятным «любезному читателю», к которому и обращается Карамзин.

Однако тут нужно сделать некоторое уточнение. Автор статьи справедливо утверждает: «Эта „читательница“ Аглая не просто некий постулируемый антропоморфный реципиент. Из вступления мы узнаем, что она (...) тесно связана с ... героями, ибо оказывается ... ближайшим чувствительным другом повествователя...» (с. 246—247). Следовало, по-видимому, упомянуть, что в тексте повести с таким подчеркнуто субъективным характером осведомленные читатели видели обращение к Настасье Ивановне Плещеевой (урожденной Протасовой), с которой Карамзин был связан нежной платонической дружбой и которую называл «другом моего сердца». Такая открытость многих возмущала. Незавершенность повести, в которой, по предположению Ю. М. Лотмана, речь должна была пойти о группе молодых людей, связанных взаимной дружбой и любовью к поэзии,⁶

⁶ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 236—237.

могла быть вызвана какими-то личными причинами и обстоятельствами или уступкой общественному мнению. Впрочем, это замечание не противоречит наблюдениям Тираспольской, и как описания сюжета и стиля Карамзина и его «нарративных стратегий».

Сборник завершается статьей Д. В. Руднева «Неизвестные имена XVIII в.: Прохор Иванович Жданов», которая знакомит читателя с педагогической деятельностью учителя английского языка в Морском кадетском корпусе. Жданов написал несколько учебных пособий, перевел две комедии и учебник

английского языка Томаса Дилуэрта, дополнив его диалогами собственного сочинения, которые могут послужить источником для изучения истории дворянского быта второй половины XVIII века.

Материалы, помещенные в рецензируемом сборнике, раскрывают творчество М. В. Ломоносова в широком контексте культурных взаимосвязей, а литературную культуру XVIII века показывают в ее разнообразных проявлениях. Сборник представляет несомненный интерес для исследователей русского XVIII века.

© А. В. Вознесенский

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ*

Важность выхода в свет каталогов библиотечных собраний, сообщающих о хранящихся в них экземплярах старопечатных книг, едва ли нуждается в специальном обсуждении. Несомненная польза подобных указателей всем понятна, тем более что они, кроме информации о существовании новых экземпляров уже известных изданий, зачастую содержат сведения об изданиях, еще не знакомых библиографам. Издания такого рода, как правило, встречаются почти во всех книгохранилищах, даже не очень больших, однако в библиотеках крупных вероятнее их обнаружения намного больше. Поэтому вполне естественно, что каталоги крупных библиотек, а к числу их, несомненно, относится и каталог Е. А. Емельяновой, посвященный описанию коллекции старобрядческих изданий, экземпляры которых входят в собрание Российской государственной библиотеки в Москве, не могут не привлекать внимания исследователей. В любом случае столь большое собрание старобрядческих книг, — а для каталога, по уверениям его составительницы, было просмотрено «более 1700 экземпляров» подобных изданий (с. 17), — еще никогда не попадало в поле зрения библиографов.

Предметом своих библиографических разысканий Е. А. Емельянова называет книги, выпускавшиеся для старообрядцев или самими старообрядцами в конце XVIII—начале XIX века, что, впрочем, не вполне соответствует названию подготовленного ею указателя. На самом деле ею рассмотрены итоги

типографской деятельности старообрядцев как указанного периода, так и почти всей второй половины XVIII века, начиная с конца 1760-х годов, в том числе учтены книги, изданные в Варшаве, Вильне, Гродне, Почаеве, Супрасле, Клинцах, Махновке, Майдане Почапинецком, Янове и Яссах. Исключение сделано лишь для изданий, выпускавшихся в Могилеве и Чернигове, причем не только в самом начале XVIII века и позднее, в 30-х годах, но и выходявших в 60—70-х годах этого столетия. По непонятным причинам они остались за пределами каталога Е. А. Емельяновой, поскольку едва ли можно предположить, чтобы их не оказалось в Российской государственной библиотеке.¹

С работой над описанием собрания старобрядческих изданий РГБ, — а она, и это не было секретом, велась с 1996 года (с. 16), — связывались большие ожидания, поскольку известия о том, что в РГБ могут быть найдены издания, которые должны представлять несомненный интерес с точки зрения истории старообрядческого книгопе-

¹ Едва ли также объяснение этому следует искать в незнании о существовании таких изданий, поскольку они уже подвергались библиографическому учету и изучению — см.: *Починская И. В.* 1) Могилевские старобрядческие издания XVIII в. в собрании старопечатных книг и рукописей Научной библиотеки Уральского государственного университета // *Культура и быт дореволюционного Урала*. Свердловск, 1989. С. 84—92; 2) *Старобрядческое книгопечатание XVIII—первой четверти XIX века*. Екатеринбург, 1994. С. 115—123, 149—150; *Вознесенский А. В.* Предварительный список старобрядческих кириллических изданий XVIII века. СПб., 1994. № 1—13, 17—20, 22.

* *Емельянова Е. А.* Старобрядческие издания кирилловского шрифта конца XVIII—начала XIX в.: Каталог. М.: Пашков дом, 2010. 640 с., ил. (Книжные памятники Российской государственной библиотеки).